

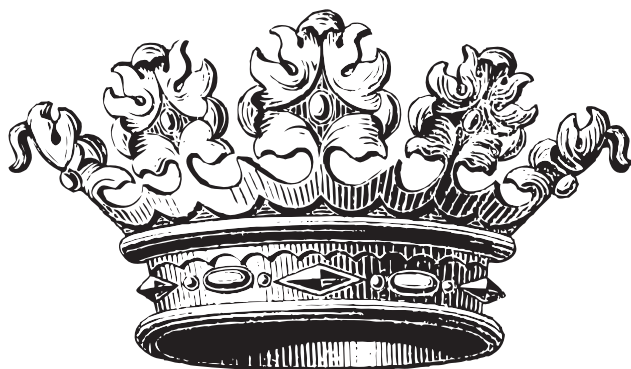
ЦИКЛ
Андрея Поснякова

Варвар

Воин Аттилы
Корона бургундов

Андрей Посняков

Варвар

Корона бургундов

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

«Ведунская серия»

Оформление обложки *Антонина Калласа*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П62 Посняков, Андрей Анатольевич

Варвар: Корона бургундов: роман / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 384 с. (Ведунская серия).

ISBN 978-5-17-097497-9

Сталкиваясь, гремят щиты, утробно грохочут боевые барабаны, голодными волками воют трубы! Звенят мечи, и тучи стрел затмили небо. 453 год. В последней битве за Галлию встретились огромное войско вестготского короля Торисмунда и непобедимая рать Атиллы. Однако была еще и третья сторона — чума, которую одинаково боялись все.

В рядах гуннской рати отважно сражается словенский князь Радомир, сражается вовсе не за победу Атиллы, а за свое счастье. Свое и своей юной супруги — Хильды, Ильдикко — девы из древних бургундских легенд. Дева и древняя корона бургундов — все это вместе дает невиданное могущество и власть, именно в этом — последний шанс Атиллы, именно ради этого ищет красавицу Ильдикко посланный могущественным властелином гуннов друид — последний друид Галлии, еще приносивший в далеких горах кровавые жертвы жестоким древним богам. Возродить язычество — вот цель друида, ради этой цели он намерен использовать самого Атиллу, поздней прозванного «Божьим бичом».

Ильдикко-Хильда похищена, но об этом не догадывается Радомир, отправившийся в Галлию за короной бургундов, ведь именно она сможет спасти от неминуемой гибели его юную жену. Спасти... и вернуть в двадцать первый век, ведь Радомир — Родион Миронов — попал в те древние и жуткие времена из нашей эпохи.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-097497-9

© Андрей Посняков, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Лето. Южная лесостепь

Вот это новости!

В кабине не нового, но вполне еще крепкого грузовичка ГАЗ-51 ехали трое. Водитель, Серега, конечно же, мог бы подвезти пассажиров и в кузове, да вот только с кем тогда поболтать? Самому с собой, что ли. Обычно Серега песни пел, разные: то протяжные, из кинофильма «Кубанские казаки», а то — задорные, частушки, что по праздникам наигрывал в местном клубе Кольша-гармонист.

Вот как раз о Кольше шофер сейчас и говорил, вспоминая, как упившийся гармонист как-то по осени, ближе к октябрьским праздникам, упал в глубокую лужу.

— Главное ведь — и как не замерз-то?

— Видно, Бог спас, — улыбнулась пассажирка — очень красивая девушка лет восемнадцати, с большими темно-голубыми глазами и длинными, падающими на плечи, волосами, цвета белого золота. Именно так — не серебра, а белого золота, есть ведь и такой цвет.

— Бог? Так ведь Кольша, извините-простите, неверующий, как и все, — сбрасывая скорость на повороте, хмыкнул водила. — Он ведь не дед какой-нибудь, Кольша-то, хотя и не парень — мужик самостоятельный, взрослый, войну еще застал — как раз в сорок пятом призвался.

Шофер ненадолго замолк, искоса оглядывая пассажиров — девчонка, да, очень красивая, с такой не стыдно показаться в клубе. Еще бы приодеть, а то... Платье какое-то старорежимное, с вышивками, такое, верно, лет сто назад старухи по праздникам одевали, когда еще не старухами

были, а молодыми девками... такими вот, как эта. Ишь, глазища-то! Как два моря! Эх-х...

Непроизвольно вздохнув, Серега прибавил скорость — с девками ему пока что-то не очень везло. До армии никого не было, никого серьезного, да и вот, после службы что-то не очень клеилось. Ну, так ведь недавно и вернулся, какие наши годы? А этому парню, Родиону — так ведь его зовут, кажется — с девчонкой повезло. Интересно, кто она ему? Неужели — жена? Что ж, в таком случае только позавидовать можно. А вообще-то — оба они странные. Одеты — черт-те как! На парне — рубаха длинная, стариковская, красным пояском подпоясанная, такие же стариковские штаны, а уж обувь... башмаки, вроде как кожаные, но — наподобие лаптей, с оплеткой.

— Извините-простите, это что же у вас за одежда-то?

— А, честно сказать, с пугала сняли, — как-то не сразу отозвался Родион. — На попутках добрались, жарко, употели все, а тут — речка. Ну и решили выкупаться... Плавали, глядь — ни одежды, ни чемодана. А тут, на огородах — пугала... Ну, не голыми же идти? Вообще-то мы — туристы, слет у нас тут.

— Угу, угу, — покивал шофер. — Туристы, значит? А где вы купались-то? Случайно, не у железнодорожного переезда?

— Да... вроде там.

— Тогда понятно. Извините-простите, местечко приметное.

— А что такое?

— Да так... Мазурики всякие, шпана городская — как раз у переезда отдыхать любят. Сколько их не отваживали, а все без толку. Ну, ничего, дайте срок, всех комсомольцев в станице подыдем... А вы где живете-то?

— Далеко, на севере, в лесах...

— Из староверов, что ли?

— Ну... почти.

— А я так и подумал! — засмеялся шофер. — Говор у вас уж больно чудной — на старинный лад. Особенно вот, у... Ой... Забыл ведь имя-то, извините-простите...

— Хильда я...

— Что-о?! — шофер повернул голову. — Не расслышал, извините-простите.

— Лидой мою супругу зовут, — улыбнулся парень.

Обычный такой, но смазливый, из тех, что девкам дюже нравятся, не слабый, мускулистый, высокий, патлы нестриженные, светлые, а глаза — карие.

— Радик, извини-прости, спрошу — а ты что такой лохматый-то? Не из попов часом? Или, может, этот... семинарист.

— Да нет... — усмехнувшись, Родион прислушался к ровному шуму мотора и, одобрительно кивнув, похвалил. — А движок-то, я смотрю, ничего!

— Ха! Ничего? — обиженно дернул плечом водила. — Да я его только весной перебрал! Теперь и оборотиков прибавить можно... Восемьдесят запросто прет! Ну... недолго, правда, дольше нельзя — греется. Да и вкладыши коленвала полететь могут, стеллабитовые, плаваются, гады, а масла для смазки не хватает — конструкцией мотора не предусмотрено. Зато цилиндрам сносу нет и кольца хромированные. Вообще, движок — что надо! Да что я тебе рассказываю, ты ж сам, говоришь — шофер.

— Шофер, — кивнул Родион... и хотел было добавить, что на таком музейном старье отродясь не ездил, но не успел — расхваленный Серегой двигатель вдруг зачихал... и заглох.

— Вот черт! — остановив катящуюся по инерции машину, выругался водитель. — Ведь только что... Сейчас, извините-простите, гляну.

— Пойду, помогу... — Родион нежно погладил по щеке девушку. — Милая, ты как? Не тошнит от скорости?

— Не тошнит, — улыбнулась Хильда. — Только жарко. А скорость... так она на лошади куда как больше чувству-

ется. А здесь что — сел да сиди. Только вот запах... не то, чтобы неприятный, но — незнакомый какой-то.

— Бензин.

— Вот видишь — ты здесь все знаешь. А значит, и мне не из-за чего беспокоиться. К тому ж я тебе обещала ничему не удивляться... вот и не удивляюсь. Но, когда одни останемся — тебя много чего спрошу.

— Спрашивай, — хохотнув, молодой человек чмокнул девушку в щеку и выпрыгнул из кабины, галантно подав руку. — Прощу.

— Вспомнила! — спрыгнув на обочину, Хильда радостно всплеснула руками. — У Влекумера-жреца так же вот снадобья пахли. Ой... сколько ромашек здесь! И васильки, и колокольчики. Пойду, нарву на венки?

— Рви, милая.

Девушка улыбнулась, слегка качнув головой, в темно-голубых, глубоких, как океан, глазах ее вдруг вспыхнули лукавые искорки.

— Ах, если бы не этот возница. Как ты его назвал?

— Шофер.

— Шо-фер. Кажется, он неплохой парень. Забавный. Я бы даже сказал — смешной. Но — славный, да да, славный. И нерешительный... такой же, как — иногда — ты.

— Это я-то — нерешительный?

— А помнишь нашу свадьбу, там, в Галлии? Секвана-река, арена Лютеции... Никогда такого не было, чтобы готы со словенами венчались. Хотя, говорят, в седую старину — было. Еще до гуннов.

— Ладно, собирай свои цветки, милая. А я шоферу помогу.

Это Родион произнес вовремя — водила как раз выглянул из-под открытой крышки капота:

— Слышь, Радик... Ты тут гаечку одну зажми...

Молодой человек вскочил на бампер:

— Не переживай, починим.

Уже измазавшийся в масле Серега потерянно махнул рукой:

— Если не починим... Ох, устроит мне тогда Степаныч головомойку — извини-прости! Еще и номер, вон, передний потерял. Видать, на болотине, теперь хоть обратно езжай. Ладно, завтра в тех краях буду — заверну, гляну.

— Серый, дай-ка на двенадцать ключ... Ага... Теперь тут поддержи отверткой. Угу... А ты чего вообще на болотине-то делал?

— Да за водичкой свернул... Понимаешь, забыл с утра долить.

— Эх, слышал бы тебя наш старшина Дормидонт Кондратьевич! Ты б у него за такие слова до конца службы из нарядов не вылез... Что, радиатор течет?

— Да есть маленько.

— Так делай!

— Извини-прости, некогда сейчас — страда, а шоферов у нас мало.

— Некогда ему... Давай тут покрутим... о-оп!

— А ты, Радик, где служил-то?

— В Заполярье.

— А я на Дальнем Востоке, в Хабаровске. Давно демобилизовался?

— Весной.

— А я осенью. Ха! Извини-прости, ты когда хоть такие патлы успел отрастить? И, главное — зачем? Ты, может, этот — стилияга, что ли?

— Сам ты стилияга! Просто... просто я это... в самостоятельности участвую.

— Ого! И я! У нас целый народный хор есть и этот... оркестр русских народных инструментов. Один Кольша-гармонист чего стоит, хоть, между нами говоря, и пьяница. А вот еще с ним случай был...

— На десять ключ есть?

— Да был. Вон тут где-то.

— Поддержи... Ага... Теперь попробуем завести.

Двигатель завелся сразу, заурчал, заработал, к вящей радости шофера Сереги, который, похоже, водила был тот еще.

— А ну, погазуй! — махнул рукой Радик. — Погазуй, говорю... Ага... Ну, все, кажется. Едем.

— Едем! — радостно отозвался водитель. — Извините-простите, доставлю в лучшем виде! Вам куда? В станицу?

— В станицу, — улыбнувшись, молодой человек по-мог забраться в кабину супруге и уселся рядом. — Куда же еще-то?

— Ой! — поправив на голове венок, засмеялась Хильда. — У тебя, милый, нос и щеки — в грязи испачкались, дай-ка, вытру.

— Ха, вытру, — переключив передачку, усмехнулся Серый, грязный не менее, а быть может, и более. — Тут бензином надо.

Оставляя за собой столб густо-желтой пыли, грузовичок бодро покатил по грунтовке.

— Хорошая машина, — снова принялся нахваливать водитель. — Я вот в армии на сто пятьдесят первом ЗИСе ездил, ну, ты знаешь, «утюгом» еще их прозывают.

— У нас называли — «колун». Только сто пятьдесят седьмой... и не ЗИС, а...

— Так вот, я и говорю — вездеход якобы! Заедешь куда в грязь — нипочем сам не выберешься, задние-то колеса — двойные, им колею заново пробивать, забьются всякой хренью, тьфу! Вот шестьдесят третий газон — куда лучше.

— А этот, я смотрю, в неплохом состоянии.

— Так всего-то восемь лет машине!

— Сколько-сколько?!

— О! — вместо ответа, водила кивнул в окно. — Вот и приехали — вон она, станица!

Хильда с Родионом давно уже с любопытством пялились в окошки. Станица оказалась довольно большой

и выглядела, как и должно, наверное, выглядеть любому сельскому поселению без всяких урбанистических выкрутасов. Основу всех местных строений составлял обширный частный сектор — беленые мазанки с живописными садиками, кроме того, на главной площади, где наконец остановилась машина, располагались с полдюжину двухэтажных домов, облицованных разноцветной штукатуркой. Над входом в каждый из них имелась вывеска, на том здании, возле которого сошли пассажиры ГАЗона, было написано...

Родион не успел прочитать.

— Здравствуйтесь, граждане! — прозвучала четкая фраза. — Кто такие будете?

Милиционер!

Родион вздрогнул, хотя никаких причин опасаться милиции не имел, просто... Просто милиционер — именно милиционер, а не «господин полицейский» — выглядел как-то... по опереточному, что ли. Словно бы и не настоящий — в синих галифе и ослепительно белом кителе, в такой же белой фуражке. Между прочим — при кобуре и густых черных усах.

— Здравствуйтесь, гос... товарищ старший лейтенант, — посмотрев на погоны, Родион приветствовал представителя власти на армейский манер. — Мы... с супругой — туристы, вот, заблудились, отстали от своих.

— Одеты вы странно, — задумчиво промолвил милиционер и, искоса взглянув на водителя, ухмыльнулся. — А вы, товарищ Шматко, почему не на колхозном поле?

— Так, извините-простите, в город ездил, агронома отвозил. У меня и маршрутное задание есть, вот...

Сергея — как показалось Родиону, несколько суетливо — вытащил из кармана замасленной спецовки сложенный вчетверо листок.

— Та-ак... — милиционер внимательно вчитался. — Все есть — печать, подпись — директор МТС товарищ Райский. Лично к вам, товарищ Шматко, у меня претен-

зий нет. А вот у директора МТС — найдутся! Он тебя уже часа три дожидается, костерит, почему зря.

— Да-да, — сломался немножко — чинили.

— Это ты начальству своему расскажешь. Давай-ка, Серега, езжай!

— Да-да, — поспешно убрав маршрутный листок, вошла запрыгнул в кабину. — А как же...

— А с этими гражданами я разберусь, не сомневайся.

— Да, да, мы уж тут теперь сами, — улыбнулся Родион. — Спасибо, Серега, что подвез.

Махнув рукой Сереге, милиционер обвел молодых людей долгим подозрительным взглядом:

— Туристы, говорите? Ну-ну... идемте-ка, граждане, со мной! Посмотрим, какие вы туристы.

— Да-да, конечно, — взяв супругу под руку, молодой человек улыбнулся. — Товарищ старший лейтенант, нам бы позвонить...

— Позвоните, — положив руку на кобуру, представитель власти подкрутил усы. — Или я за вас позвоню... куда следует. Ну, шагайте же, чего встали? Не вздумайте только бежать... пуля догонит.

— Это шутки у вас такие?

— Шутки, шутки. Во-он к тому крылечку шагайте.

Хильда с любопытством крутила по сторонам головой, но куда ничего не спрашивала — терпела, как и обещала, старательно скрывая удивление. Кстати, Родион тоже оказался удивлен ничуть не меньше, во все глаза рассматривая прохожих: пожилых женщин в ситцевых платьях, платках и каких-то непонятных чоботах, вежливо кивнувшего милиционеру велосипедиста — молодого белобрысого парня в белой, с выпущенным поверх пиджака воротником, рубашке, и — несмотря на ощутимую жару — в кирзовых сапогах.

— Здравствуйте, товарищ Лапиков!

— Здорово, комсорг!

— На собрание завтра приходите, не забудьте.

— Не забуду, — старший лейтенант махнул рукой. — В клубе будет?

— В правлении. Вечером, поздно. Повестка дня — «О повышении темпов уборочной».

— Хорошо, буду.

— Хэй, хэй! — из какой-то улочки вылетала вдруг босоногая ребятня, гоня перед собой большой обруч. — Здрасьте, дяденька участковый!

— Здорово, хлопцы. Куда так спешите?

— На пришкольный участок, а потом — на ток.

— Молодцы! Правильно, нечего в страду бездельничать... как некоторые турысты. Вон, по крылечку поднимайтесь. Вы, гражданочка, пока, вот туда, в уголок, присядьте. А вы, молодой человек — сюда, перед столом. Ну-с...

Усевшись за конторский стол возле массивного сейфа, старший лейтенант подвинул к себе листок бумаги и, взяв в руку какую-то совсем уж антикварную ручку с пером, спросил:

— Итак... Фамилия, имя, отчество?

— Миронов, Родион Дании... — начал было Радик, да, машинально подняв глаза, так и застыл.

Сверху, с висящего над сейфом портрета, на него строго взирал некий товарищ с несколько одутловатым лицом и в пенсне — Лаврентий Павлович Берия!

— Ах, вон оно что-о... — шепотом протянул молодой человек. — То-то я и смотрю — «газон», комсорг, собрание... Берии вон, потрет. Значит, промахнулись — попали в пятьдесят третий год! Или, скорее даже в пятьдесят второй. Хотя нет — в пятьдесят третий, иначе б тут Сталина портрет висел, а не Берии. А Берию, кстати, летом пятьдесят третьего арестовали уже, в конце июля... или чуть позже... эх, не вспомнить точно...

— Что вы там шепчете, молодой человек? Итак, Миронов, Родион...

— Родион Даниилович.

— Ишь ты — Даниилович! Год рождения?

— Год?

Тут внезапно зазвонил телефон.

Родион родился в конце двадцатого века. Рос без родителей, у приютившей его тетки, относившейся к племяннику довольно прохладно. Ну, да ладно — окончил школу, ПТУ (профессиональный лицей, как сейчас говорят), отслужив в армии, подался в фирму «Стройлес», водителем лесовоза с фискарсом, и даже поступил в местный филиал университета на факультет социальных — просто интересно было. С детства занимался туризмом, а это такая заразная штука, что с годами не проходит, а, наоборот, становится все привязчивее — вот и Радик, взяв на работе пару недель за свой счет, рванул в августе на туристский слет, сюда вот и рванул — на юг России. С друзьями, с преподавателями, с девушками. С песнями у ночного костра и романтическими прогулками под луною, короче — со всем тем, что делает таким привлекательным спортивный туризм, который для многих уже не просто спорт — образ жизни.

Ой, как славно-то было... До тех пор, пока Радик на ночном ориентировании не провалился в болото... из которого выбрался в пятый век от рождества Христова! Во времена гуннов и их могучего повелителя — Аттилы!

Молодой человек и раньше видел странные сны — ему снилось, что он — могучий древний богатырь, словенский князь Радомир, снились бескрайние степи и кровавые битвы, и снилась она... Хильда, готская красавица с темно-голубыми глазами. Таких нереальных красавиц Радик не видел наяву никогда... а в своих снах знал, что именно она предназначена ему в суженые! Так и вышло, так стало... Но один Господь знает, сколько для этого пришлось пережить! Стать своим в словенском роду, попасть к гуннам в качестве «налога кровью», изведать черное предательство и дружбу... и, конечно — любовь! Хильда... Молодой

человек даже не знал — счастлив ли был в том времени, времени смутных легенд? С одной стороны — рядом Хильда и верные друзья, положение в обществе, которого добился сам, особенно, после знаменитой битвы в Галлии, на Каталаунских полях, битвы народов, во время которой войска Агилы вынуждены были уступить римскому полководцу Аэцию.

После битвы доверенное лицо повелителя, Варимберт-герцог, отправил Родиона — Радомира или просто — Рада, как звали его все — обратно к словенам, набрать небольшой отряд. Родион поехал... решив сделать все, чтобы вернуться домой, в свою эпоху. Вернуться не одному, конечно же — с Хильдой, а как же иначе?! Ведь эта славная девушка верила ему, любила... и, кстати, тоже видела сны. Сны — о будущем. Потому, наверное, и не боялась сейчас ни автомашин, да и вообще ничего. Что и говорить — в мире нашлось бы мало того, что могло по-настоящему испугать готскую красавицу-принцессу.

— Да, да, Федот Степаныч, сидит у меня тут какой-то... Ну, подъезжай, заходи, ладно, посмотрим.

Положив трубку на рычаг черного телефонного аппарата, старший лейтенант — судя по всему — местный участковый уполномоченный — вздохнул и посмотрел на задержанного:

— Так ты, говорят, шофер?

— Шофер, — согласно кивнул молодой человек и, предупреждая следующий вопрос, промолвил: — Только документов у меня нет — все украли!

— Ах, вот как? Украли, значит? — представитель власти азартно хлопнул руками. — Признаться, нечто подобное я и ожидал. Эх, жаль, самому некогда с вами заняться — уж, поверь, раскрутил бы, не таких раскручивал — но... Сейчас опрошу да передам вас в район, а уж там как знают. А сам — в Москву, на курсы! — старший лейтенант закатил глаза и мечтательно улынулся. — Эх,